

ВОЗВРАЩАЯ «КУЛЬТУРНЫЙ МАНДАТ»: ИДЕЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В КАНТИАНСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В.А. Чалый¹

В докладе Римскому клубу «Come on! Капитализм, недальновидность, население и разрушение планеты» (2018) Кант наряду с другими «старыми» просветителями представлен вдохновителем мировоззрения, приведшего к дестабилизации условий существования человечества. Авторы доклада призывают отказаться от «старого Просвещения» с его индивидуализмом, верой в рынок и потребительским отношением к природе. Я утверждаю, что такая оценка философии Канта является обоснованной и что его идеи позволяют как провести более глубокую диагностику кризиса, так и предложить более основательную стратегию его преодоления. Сначала излагается позиция авторов доклада в отношении утраты устойчивости в развитии и их видение его причин в философии Просвещения. Далее дается очерк истории и содержания понятия «устойчивое развитие» и предлагается анализ истоков прогрессивистской установки на покорение природы, лежащих за пределами Нового времени в идее «культурного мандата». Затем представлен кантианский диагноз причин кризиса в несостоявшемся «совершеннолетии». Сформулированная авторами доклада идея «наполненного мира» сопоставлена с идеей «совершеннолетнего мира», а их диагноз «капитализм – недальновидность – истощение ресурсов» – с кантовскими оценками попыток бегства от трудностей настоящего в прошлое и в будущее. Указаны предложенные Кантом решения некоторых конкретных проблем, перечисленных в докладе. Вместо фактически предлагаемой авторами доклада стратегии «возвращения культурного мандата», то есть сокращения использования человечеством природных ресурсов, кантовский ответ на кризис – «коперниканский переворот» и обращение культурного усилия на внутреннее нравственное развитие человека.

Ключевые слова: Кант, устойчивое развитие, Римский клуб, современность, культурный мандат, совершеннолетие

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, 236041, Калининград, ул. А. Невского, д. 14.
Поступила в редакцию: 17.02.2023 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2023-2-4

RECLAIMING THE “CULTURAL MANDATE”: THE IDEA OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN THE KANTIAN PERSPECTIVE

V.A. Chaly¹

In the Club of Rome report Come on! Capitalism, Short-Termism, Population and the Destruction of the Planet (2018) Kant, along with other “old” Enlighteners, is presented as the father of a world-view which led to the destabilisation of the environment in which humanity exists. The authors of the report argue that the “old Enlightenment” with its individualism, faith in the market and a consumerist attitude to nature should be scrapped. I maintain that this assessment of Kant’s philosophy is groundless and that his ideas allow us both to conduct a more profound diagnosis of the crisis and to propose a more solidly founded strategy of overcoming it. First, I sum up the position of the authors concerning the loss of sustainability of development which they attribute to the philosophy of Enlightenment. Next, I outline the history and content of the notion of “sustainable development” and offer an analysis of the sources of progressivist commitment to the conquest of nature which lie outside Modern Times in the idea of the “cultural mandate”. Then I present the Kantian diagnosis of the causes of the crisis which attributes it to humankind’s failure to “mature”. I compare the idea of “the full world” formulated by the authors of the report with the idea of the “the world come of age” and their diagnosis of “capitalism – short-termism – depletion of resources” with the Kantian assessment of the attempts to escape from the predicaments of the present into the past or the future. I draw attention to Kant’s solutions to some of the specific problems indicated in the report. Instead of the strategy of “return of the cultural mandate”, proposed at this time by the authors of the report, the Kantian answer to the crisis is a “Copernican turn” and re-direction of the cultivating effort to the inner moral development of the human being.

Keywords: Kant, sustainable development, Club of Rome, modernity, cultural mandate, maturity

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU).
14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia.
Received: 17.02.2023.
doi: 10.5922/0207-6918-2023-2-4

Кризис и его диагностика Римским клубом

Сегодня в самых разных странах, в разных научных и философских школах, от самых разных институций звучит признание того, что мир находится в кризисе и что кризис этот вызван деятельностью человека. Человеческая способность действовать значительно превзошла способность понимать. В результате цивилизация столкнулась с беспрецедентным по сложности комплексом взаимосвязанных проблем, вызванных истощением ресурсов, ростом населения, чрезмерным потреблением, использованием экологически вредных технологий, углублением социального неравенства и усилением предпосылок для глобальных военных конфликтов. Быстро ухудшающаяся социобиофизическая ситуация не вполне осознается глобальным сообществом, и даже понимающие масштабы проблем эксперты заражены иррациональной верой либо во всемогущество рынка, способного своей «невидимой рукой» выправить перекосы, либо во всеведение и благонамеренность правительств, якобы могущих и желающих осознать и исправить ситуацию.

В качестве ответа на эти вызовы целый ряд институций во главе с Организацией Объединенных Наций предлагает идею устойчивого развития. Устойчивое развитие мыслится преимущественно в экономических и социально-политических категориях, однако в последнее время звучат предложения и о его философской составляющей. Так, в докладе «Come on! Капитализм, недалёковидность, население и разрушение планеты», опубликованном в 2018 г. Римским клубом (далее – Доклад), авторы утверждают, что «заполненный», то есть достигший пределов устойчивости, мир нуждается в «новом Просвещении» – в построении и распространении мировоззрения, способного, в отличие от существующих, обеспечить экономические и другие шаги по установлению «баланса между людьми и природой, краткосрочным и долгосрочным, скоростью и ста-

The Crisis and its Diagnosis by the Club of Rome

Today the recognition that the world is in a crisis and the crisis is human-made is heard in various countries, various scientific and philosophical schools and various institutions. The human capacity to act has far exceeded the capacity to understand. As a result, civilisation has been confronted with a host of complex, interconnected problems, stemming from the depletion of resources, population growth, over-consumption, the use of ecologically harmful technologies, the deepening of social inequalities and growing risks of global military conflicts. The global community is not fully aware of the rapidly deteriorating socio-biophysical situation and even experts who grasp the scale of the problems are infected with an irrational faith either in the omnipotence of the market whose “invisible hand” can right the imbalances, or in the omniscience and good intentions of governments which are thought to be able and willing to rectify the situation.

As an answer to these challenges a number of institutions, led by the United Nations, have proposed the idea of sustainable development. Sustainable development is thought of largely in economic and socio-political categories, but of late proposals have included the philosophical element as well. Thus, the report *Come on! Capitalism, Short-Termism, Population and the Destruction of the Planet*, published in 2018 by the Club of Rome (elsewhere the *Report*), claims that the “full” world, a world that has reached the limits of stability, needs “a new Enlightenment”, i.e. the building and dissemination of a world-view capable, unlike the current one, of ensuring economic and other measures to establish “a balance between people and nature, the short term and the long term, speed and stability, the private and the public, women

бильностью, частным и публичным, женщинами и мужчинами, равенством и вознаграждением достижений, государством и религией» и др. (Weizsäcker, Wijkman, 2018, p. 95–97). Это новое просвещение резко противопоставляется авторами Доклада «старому», санкционированному, по их мнению, кризис и нуждающемуся в преодолении. А среди главных представителей «старого Просвещения», ответственных за философские причины нынешних проблем, назван Иммануил Кант.

В своей статье я хотел бы сначала напомнить, что представляет собой идея «устойчивого развития» в современных концепциях, затем раскрыть философские и религиозные корни «старой» экспансионистской идеи развития и, наконец, объяснить, почему Кант напрасно оказался в ряду критикуемых «старых» просветителей и что представляет собой устойчивое развитие по-кантовски.

Сильная идея прогресса и ослабленная идея устойчивого развития

Идея устойчивости через осознанное ограничение развития входит в оборот в начале 1970-х гг. Одним из ее первых манифестов стал доклад «Пределы роста: доклад по проекту Римского клуба “Сложное положение человечества”» (Медоуз, Медоуз, Рэндерс, Беренс, 1991), вышедший в 1972 г. и сразу сделавший таинственный Римский клуб знаменитым. Вернемся к той эпохе и вспомним, что 1968 год стал символом окончательного завершения периода «высокого модерна», времени гигантских проектов социального, индустриального и научного строительства, которые должны были обеспечить человечеству окончательное покорение природы — на Земле и в космосе. На целом ряде рубежей прогресс столкнулся со своими пределами. В науке в полный рост заявила о себе идея относительности: не только в эмпирическом знании, но в самом научном методе обнаруживается, что истина изменчи-

and men, equality and reward for success, the state and religion”, etc. (Weizsäcker and Wijkman, 2018, pp. 95-97). The authors of the *Report* starkly contrast the “new” enlightenment to “the old” one which, in their opinion, has produced the crisis and needs to be overcome. Immanuel Kant has been named among the chief representatives of “the old Enlightenment”, responsible for the philosophical causes of the current problems.

I would like to begin this article with a recap of the idea of “sustainable development” in modern conceptions, then look at the philosophical and religious roots of the “old” expansionist idea of development and, finally, explain why Kant has been wrongly placed in the company with the criticised “old” enlighteners and what sustainable development according to Kant really means.

The Strong Idea of Progress and the Weakened Idea of Sustainable Development

The idea of sustainability through conscious limiting of development gained currency in the early 1970s. One of its first manifestoes was *The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind* (Meadows et al., 1972), which propelled the previously mysterious Club of Rome into prominence. Let us pause to take a closer look at this epoch. The year 1968 was a symbol of the end of the period of “high modernity”, the time of giant social, industrial and scientific projects called upon to complete mankind’s final conquest of nature — on earth and in outer space. In a number of areas progress ran into obstacles. In science, the idea of relativity staked a claim: not only in empirical knowledge, but in the scientific method itself it turned out that truth was changeable, multiple and elusive. The classical absolutist rationality gave way to

ва, множественна, не вполне уловима. Классическая абсолютистская рациональность сменяется постклассической. В обыденном мировоззрении установка на индивидуальный успех, рационализм, конкуренцию и рост материального благосостояния вызвала бунт и уклонение части молодежи в мир контркультуры и альтернативных способов жизни, зазвучала критика в адрес капитализма, империализма и расширяющегося общества потребления. Тогда же критика техники как источника отчуждения человека от природы и самого себя, а также извращения человечности превратилась из маргинального философского явления в мейнстрим и обрела теоретическую глубину.

Все это и многое другое лишило монолитности и бесспорности идею прогресса, до тех пор составлявшую основу современного сознания. Разрыв человечества с прежним, отжившим и построение совершенного мира на земле средствами могущественного разума и покоренной им слепой природы перестало казаться бесспорной затеей². Более того, некоторые мыслители, прогнозировавшие будущее, начали понимать, что уже произведенных в этой попытке изменений достаточно, чтобы сделать проблематичным само существование человечества. И в докладе 1972 г., и далее со все большей силой зазвучали взволнованные высказывания о том, что ресурсы, которые человечество извлекает из природы и пускает в оборот, имеют предел. В отчете Всемирной комиссии ООН по вопросам окружающей среды и развития, озаглавленном «Наше общее будущее» (1987), «устойчивое развитие» провозглашалось целью человечества. Прочитирую этот документ:

Человечество способно придать развитию устойчивый и долговременный характер, с тем чтобы оно отвечало потребностям нынешнего поколения, не лишая будущие поколения возможности удовлетворять свои по-

² Критика исходила не только от радикальных анти-модернистов, таких как М. Хайдеггер или Э. Фёгелин, но и от историков науки и культуры, например Л.Т. Уайта (White, 1967).

post-classical rationality. At the everyday level commitment to individual success, rationalism, competition and growing material well-being provoked rebellion and, among part of the youth, escape into the world of counter-culture and alternative lifestyles, criticism of capitalism, imperialism and expanding consumer society. At the same time critique of technology as a cause of the human's alienation from nature and from him/herself and the perversion of humanity developed from a marginal philosophical phenomenon into a mainstream one, acquiring theoretical depth.

For these and many other reasons the idea of progress, which until then formed the basis of modern consciousness, ceased to be monolithic and indisputable. Humanity's break with the former outdated world and the building of a perfect world on earth through the power of reason, which conquers blind nature, ceased to be an incontrovertible idea.² Moreover, some thinkers, trying to predict the future, came to understand that the changes already made in this attempt were sufficient to make the very existence of humankind problematic. In the 1972 report and afterwards increasingly loud, alarmed voices were heard pointing out that there were limits to the resources humanity extracts from nature and puts to use. The report of the UN World Commission on Environment and Development, entitled "Our Common Future" (1987), proclaimed "sustainable development" to be humanity's goal. The document reads in part:

Humanity has the ability to make development sustainable to ensure that it meets the needs of the present without compromising the ability of future generations to meet

² Criticism came not only from radical anti-modernists, such as M. Heidegger or E. Voegelin, but also from historians of science and culture such as L.N. White (1967).

требности. Концепция устойчивого развития действительно предполагает определенные ограничения в области эксплуатации природных ресурсов, но эти ограничения являются не абсолютными, а относительными и связаны с современным уровнем техники и социальной организации, а также со способностью биосферы справляться с последствиями человеческой деятельности. <...> Для устойчивого глобального развития требуется, чтобы те, кто располагает большими средствами, согласовали свой образ жизни с экологическими возможностями планеты, например в том, что касается потребления энергии (Our Common Future, 1987, p. 24–25).

В СССР аналогичные идеи о необходимости «геоигиены» и независимого от государства общественного контроля за опасными «техническими и биохимическими методами и методами массовой психологии» высказывал А.Д. Сахаров в «Размышлениях о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (Сахаров, 1968).

Прошло еще три десятилетия, и в 2018 г. Римский клуб снова провел оценку положения дел и опубликовал Доклад, в котором констатировал, что переход к устойчивому развитию не состоялся и что для него человечеству, несмотря на впечатляющий прогресс знаний и технологий, не хватило ни сознательности, ни воли, а проблемы за полвека только усугубились.

Теперь ответственность за них частично возлагается на философов Бэкона, Декарта, Локка, Спинозу, но прежде всего на Юма, Руссо, Вольтера, Адама Смита и, конечно же, Канта (Weizsäcker, Wijkman, 2018, p. 92). Именно они, по мнению Римского клуба, заложили основы эксплуататорского, колониального отношения к природе, вооружили человека научной рациональностью и сняли своей натуралистической этикой нравственные ограничения, наложенные на человеческий эгоизм религией. Это и привело к «проеданию» природных ресурсов и текущему кризису.

Стратегия, которую предлагает Римский

their own needs. The concept of sustainable development does imply limits – not absolute limits but limitations imposed by the present state of technology and social organization on environmental resources and by the ability of the biosphere to absorb the effects of human activities. [...] Sustainable global development requires that those who are more affluent adopt life-styles within the planet's ecological means – in their use of energy, for example (Brundtland, 1987, pp. 24-25).

In the USSR similar ideas on the need for “geohygiene” and independent public control over dangerous “technical and biochemical methods and the methods of mass psychology” were expressed by Andrei Sakharov (1968) in essay “Thoughts on Progress, Peaceful Coexistence and Intellectual Freedom”.

Three decades later, in 2018, the Club of Rome published a report in which it stated that transition to sustainable development had not happened because humanity, in spite of spectacular progress of knowledge and technology, proved to have had neither awareness nor will for the change, and problems had only deepened over the half century.

Now part of the blame was laid on Bacon, Descartes, Locke, Spinoza, but above all on Hume, Rousseau, Voltaire, Adam Smith – and Kant (Weizsäcker and Wijkman, 2018, p. 92). They, according to the Club of Rome, had laid the foundations of an exploitative, colonialist attitude to nature, equipped mankind with scientific rationality and by their naturalistic ethics lifted the moral constraints religion had imposed on human selfishness. This resulted in the “guzzling” of resources and the current crisis.

The Club of Rome offers a strategy for establishing a “balance” in the relations between

клуб, заключается в установлении «баланса» в отношениях человечества с природой. По мнению авторов Доклада, такой баланс требует пересмотра философских установок Нового времени. Однако идея пользования природой только лишь как средством для удовлетворения человеческих потребностей имеет более давнюю историю, из которой вырастает санкционирующая ее эксплуатацию установка Нового времени.

«Культурный мандат» как предыстория прогресса

«Культурный мандат» — это присущее авраамическим религиям представление о данном Богом человеку повелении владычествовать над землей, покорять ее и развивать ее скрытый потенциал. Культурный мандат выражен в книге Бытия и является первым указанием Бога человеку, данным еще до декалога и до евангельского учения. Бог призывает всех людей, созданных по Его образу и подобию, наполнить землю Своей славой через создание того, что мы обычно называем культурой: «плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими [и над зверями,] и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею,] и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» (Быт. 1: 28).

Культурный мандат выдан всем людям, независимо от их веры. Сначала (Быт. 1: 26–28) он дан Адаму и Еве как единственным людям и как представителям всего человечества. Он не был утрачен в грехопадении. Позже (Быт. 9: 1) он дается Ною, также как представителю всего человечества. Культурный мандат закреплен не только как божественное указание в Писании, но и как божественное установление вечного закона в порядке вещей, в «общем откровении», где легко заметен с помощью «естественного света разума». Культурный мандат

humans and nature. Such a balance calls for a revision of Modern philosophical tenets. However, the idea of using nature solely as a means of meeting human needs has a longer history from which grows the Modern attitude of exploitation.

The “Cultural Mandate” as Pre-History of Progress

The “cultural mandate” is the notion of the Abrahamic religions about God’s decree to humans to have dominion over the earth, to subdue it and develop its hidden potential. The cultural mandate is expressed in the Book of Genesis and is the first decree of God to human beings which predates the Ten Commandments and the Gospel. God urges all humans created in His image and likeness to fill the earth with His glory by creating what we usually call culture: “And God blessed them, and God said unto them, Be fruitful, and multiply, and replenish the earth, and subdue it: and have dominion over the fish of the sea, and over the fowl of the air, and over every living thing that moveth upon the earth” (Genesis 1: 28).

The cultural mandate was given to all men regardless of their faith. Initially (Genesis 1: 26-28), it was given to Adam and Eve as the only humans representing the whole of humankind. It was not lost in the Fall. Later (Genesis 9: 1) it was given to Noah, also as a representative of the human race. The cultural mandate is sealed not only as divine *decree* but as the divine *establishment* of the order of things, the “general revelation” where it is easily noticeable through “the natural light of reason”. The cultural mandate is directly connected with the fact that in the Abrahamic religions the human being is placed above nature and is autonomous from it.

прямо связан с тем обстоятельством, что в авраамических религиях человек поставлен Богом выше природы и обособлен от нее.

В Новое время вера в культурный мандат обращается в веру в научно-технологический прогресс как процесс познания и подчинения природы человеком. Доклад Римского клуба справедливо указывает на некоторых апостолов этой веры, упуская, однако, библейский фон их мировоззрений. Наиболее выразительно преемственность установки видна в работах Бэкона и Декарта. Мотивация бэконовского «восстановления наук» прямо черпает энергию из библейского нарратива. Он так описывает ее в первой работе цикла «восстановления» «Валерий Термин: об интерпретации природы» (1603):

...не удовольствие любопытства, не спокойствие решимости, не подъем духа, не победа остроумия, не способность речи, не корысть профессии, не амбиции чести или славы, не пригодность к бизнесу являются истинными целями знания; некоторые из них более достойны, чем другие, хотя все они низшие и вырождающиеся: но это восстановление и возвращение (в значительной степени) человеку суверенитета и власти (ибо когда он сможет называть существа их истинными именами, он снова будет повелевать ими), которыми он обладал в первом состоянии творения (Bacon, 2011, p. 222).

Бэконовский революционный прогресс парадоксальным образом имеет в основе реакционную интенцию восстановления, насколько это возможно человеческими средствами, эдемского состояния, утраченного в грехопадении³. До падения Адам находился в совершенной эпистемической ситуации: его сознание было «ровным зеркалом», не поврежденным «идо-

³ Подробнее о становлении науки Нового времени как техники компенсации когнитивного ущерба, нанесенного грехопадением, см., например, работы австралийского историка науки Питера Харрисона (Harrison, 1999; 2007).

In the Modern period faith in the cultural mandate turns into faith in scientific and technological progress as a process of human cognising and subduing nature. The Club of Rome's *Report* rightly names some apostles of this faith while ignoring the biblical background of their views. The continuity of attitude is most apparent in the works of Bacon and Descartes. The motivation of Bacon's "instauration of sciences" draws its energy directly from the biblical narrative. He thus describes it in the first work in the "instauration" cycle "Valerius Terminus: of the Interpretation of Nature" (1603):

... it is not the pleasure of curiosity, nor the quiet of resolution, nor the raising of the spirit, nor victory of wit, nor faculty of speech, nor lucre of profession, nor ambition of honour or fame, nor inablement for business, that are the true ends of knowledge; some of these being more worthy than other, though all inferior and degenerate: but it is a restitution and reinvesting (in great part) of man to the sovereignty and power (for whensoever he shall be able to call the creatures by their true names he shall again command them) which he had in his first state of creation (Bacon, 2011, p. 222).

Paradoxically, Bacon's revolutionary progress is based on a reactionary intention of restoration, as far as is humanly possible, of the Edenic state lost in the Fall.³ Prior to the Fall, Adam is in a perfect epistemic situation: his consciousness is an "even mirror" not subject to the "idols of the tribe"; his language "reached" things because God allowed him to dub things and through names own them

³ For more detail on the emergence of Modern science as a technique of compensating the cognitive damage caused by the Fall, see, for example, the works of the Australian historian of science Peter Harrison (1999; 2007).

лами рода»; его язык «дотягивался» до вещей, поскольку Бог позволил ему самому наделить вещи именами и через имена владеть ими (это можно назвать «библейской каузальной теорией референции»); он не знал и прочих идолов социального свойства, поскольку не принадлежал к человеческому обществу и не нуждался для познания в окольных путях философии. Именно это состояние Бэкон и призывает восстановить, насколько возможно, посредством науки, оказываясь с идеей восстановления в длинном ряду христианских проповедников апокатастасиса.

Необходимо упомянуть и роль Бэкона как «отца технократии». В его «Новой Атлантиде» дан первый образец направляющего Нового время социально-политического идеала: прогрессивная власть собрания специалистов в различных науках о природе, ставших администраторами — «Домом Соломона», который руководствуется соображениями полезности и эффективности и подчиняет исчисляющей рациональности все природные процессы подвластных ему территории и населения. Сегодня авторы Доклада видят в технократической гегемонии препятствие для устойчивого развития⁴.

Декарт вторит Бэкону в «Рассуждении о методе»:

...можно достичь знаний, весьма полезных в жизни, и... вместо умозрительной философии, преподаваемой в школах, можно создать практическую, с помощью которой, зная силу и действие огня, воды, воздуха, звезд, небес и всех прочих окружающих нас тел, так же отчетливо, как мы знаем различные ремесла наших мастеров, мы могли бы, как и они, использовать и эти силы во всех свойственных им применениях и стать, таким образом, как бы господами и владельцами природы (Декарт, 1989, с. 286).

Декарт дал естествознанию математиче-

(“biblical causal theory of reference”); nor did he know other social idols because he did not belong to human society and did not need philosophy’s roundabout ways of cognition. This is the state Bacon wants to see restored as far as possible through science, which puts him, with his idea of instauration, in the long list of Christian preachers of *apocatastasis*.

Bacon’s role as “the father of technocracy” also needs to be mentioned. His *New Atlantis* contains the first description of the socio-political ideal which guides the Modern period: progressive power of the assembly of specialists in various sciences of nature turned administrators, “the House of Solomon” which proceeds from considerations of utility and effectiveness and subjects to calculating rationality all the natural processes in the territory and population under its jurisdiction. Today the authors of the *Report* see technocratic hegemony as an obstacle to sustainable development⁴.

Descartes echoes Bacon in the *Discourse on Method*:

[...] [There is] the possibility of gaining knowledge which would be very useful in life, and of discovering a practical philosophy which might replace the speculative philosophy taught in the schools. Through this philosophy we could know the power and action of fire, water, air, the stars, the heavens and all the other bodies in our environment, as distinctly as we know the various crafts of our artisans; and we could use this knowledge — as the artisans use theirs — for all the purposes for which it is appropriate, and thus make ourselves, as it were, the lords and masters of nature (Descartes, 1985, pp. 142-143).

⁴ С ними согласен и А.Д. Сахаров, писавший в 1968 г. «об опасностях бездумно бюрократического использования научно-технической революции в разобщенном мире» (Сахаров, 1968).

⁴ Sakharov (1968) writes in the same vein about “the danger of a thoughtless bureaucratic use of the scientific and technological revolution in a divided world”.

ский метод и поставил «Дом Соломона» в качестве рационального субъекта в центр координат, вмещающих все материальные объекты. Из этой уникальной привилегированной позиции носители рациональности реализуют свой «культурный мандат» на преобразование несовершенной хтонической природы и страдающей от недомыслия традиции. В «Рассуждении» он упоминает старинные города, которые «плохо распланированы по сравнению с городами-крепостями, построенными на равнине по замыслу одного инженера» (Декарт, 1989, с. 256), и сравнивает их с мировоззрениями, собравшими предрассудки несовершенности и нуждающимися в радикальной перестройке. И хотя Декарт тут же оговаривается, что, разумеется, никто не сносит старое ради нового, радикальные проекты последующих столетий пошли этим путем, и нынешний вид города Канта ясное тому свидетельство.

Кант также отдает дань идее «культурного мандата» в трактате «Предполагаемое начало человеческой истории» (1786), представляющем опыт философского осмысления библейской истории. С одной стороны, его пересказ фиксирует факт установления человеком господства над природой и легитимизирует это господство указанием на разум:

...последний шаг, который сделал разум, полностью возвышающий человека над уровнем животного, выразился в понимании (хотя лишь смутном) человеком того, что он, собственно, и является *целью природы* и ничто живущее на земле не может с ним в этом соперничать. Когда он в первый раз сказал овце: *мех, которым ты покрыта, природа дала тебе не для тебя, но для меня*, — снял с нее шкуру и надел ее на себя (Быт. 3: 21), — тогда он понял присущее ему в силу его природы преимущество над всеми животными, на которых он отныне смотрел не как на равных ему тварей, но как на предоставленные его воле средства и орудия для достижения любых своих целей (AA 8, S. 114; Кант, 1994г, с. 165).

С другой стороны, он тут же подчеркивает

Descartes gave natural science the mathematical method and put the House of Solomon as a rational subject at the centre of coordinates encompassing all the material objects. From this unique and privileged position, the bearers of rationality exercise their “cultural mandate” for the transformation of imperfect chthonic nature and half-witted tradition. In the *Discourse* he mentions “ancient cities which have gradually grown from mere villages into large towns” which “are usually ill-proportioned, compared with those orderly towns which planners lay out as they fancy on level ground” (*ibid.*, p. 116) and compares them to worldviews which have taken in the prejudices of immaturity and are in need of radical rethinking. Although Descartes immediately makes the reservation that no one pulls down the old for the sake of the new, radical projects of the following centuries chose precisely this path, as witnessed by the appearance of Kant’s home city today.

Kant, too, gives due recognition to the idea of the cultural mandate in his treatise *Conjectural Beginning of Human History* (1786), which is an essay in philosophical interpretation of biblical history. On the one hand, his rendering recognises the fact that humans have established dominion over nature and legitimises it by pointing to reason:

The [...] last step that reason took in elevating the human being entirely above the society with animals was that he comprehended (however obscurely) that he was the genuine end of nature, and that in this nothing that lives on earth can supply a competitor to him. The first time he said to the sheep: *Nature has given you the skin you wear not for you but for me*, then took it off the sheep and put it on himself (Genesis 3: 21), he became aware of a prerogative that he had by his nature over all animals, which he now no longer regarded as his fellow creatures, but rather as means and instruments given over to his will for the attainment of his discretionary aims (MAM, AA 8, p. 114; Kant, 2007, p. 167).

ограничительную роль разума: «это было заблаговременной подготовкой к тем ограничениям, которые разум в будущем должен был наложить на волю человека в отношении его ближних, что для создания общества гораздо более необходимо, чем расположение и любовь» (Там же). Разум, при первых своих проблесках становящийся слугой человеческих нужд и appetites, в ходе истории встает на свое место законодателя, над appetites возвышающегося, — поворот сюжета, отсутствующий у Бэкона и Декарта.

Теистский фон «культурного мандата» обеспечивает легитимность программы покорения природы и снимает ее риски. Бог Сам отделил человека от природы и Сам указал цель покорения в Своей самой первой заповеди. Бог — гарант успешности этого усилия, поскольку Его воля не может не осуществиться. Постепенное исчезновение теистского фона оставило человека в «совершеннолетнем мире» (Бонхёффер, 1994, с. 252), установка на покорение которого лишилась внешней нормативной силы и внешней гарантии, оказалась целиком в наших руках и на нашей совести. При этом программа овладения якобы противолежащей человеку-субъекту природой-объектом сохранила инерцию, питаемую теперь соображениями полезности и императивом экономического роста, которые и констатируют авторы Доклада. Деконструкция этой мотивации требует прояснения ее истоков и генезиса, осознания того, что ее нормативная сила питается ушедшей картиной мира с полученным от Бога «культурным мандатом», подкрепленным Его опекой и гарантиями.

Нельзя не согласиться с Докладом в том, что математизированное естествознание, помноженное на натуралистические appetites, внесло существенный вклад в нарушение устойчивости человеческого развития. Но если претензии к Бэкону и Декарту, при всех их великих заслугах, имеют основания, то менее убедительны

On the other hand, he stresses in the same breath the restrictive role of reason: it was “a preparation from afar for the restrictions that reason was to lay on the will in the future in regard to his fellow human beings, and which far more than inclination and love is necessary to the establishment of society” (*ibid.*). Reason, which from its first appearance becomes the servant of human needs and appetites, over the course of history takes its place of the law-maker above the appetites. This is a twist of the plot that is absent in Bacon and Descartes.

The theistic background of the “cultural mandate” lends legitimacy to the programme of the conquest of nature and eliminates all risks. God has Himself separated humans from nature and Himself set the goal of establishing human dominion in His very first commandment. God is the guarantor of the success of this effort because His will cannot be disobeyed. Gradual disappearance of the theistic background has left human in “the world that has come of age” (Bonhoeffer, 2010, p. 426), such that the goal of conquest has been stripped of its normative power and external guarantee status and has been left entirely in our hands and on our conscience. Meanwhile the programme of subduing nature has preserved its impetus which is now fed by considerations of utility and the imperative of economic growth pointed out by the *Report*. Deconstruction of this motivation requires clarification of its sources and genesis, an awareness that its normative power is derived from a past picture of the world with a God-given “cultural mandate” backed up by His guardianship and guarantees.

One has to agree with the *Report* that mathematized natural science multiplied by naturalistic appetites has done much to destabilise human development. But while the claims with regard to Bacon and Descartes, for all

они, например, в отношении Спинозы, отрицавшего личного Бога, телеологию и с ними — возможность какого-то «мандата» и эмансипации от природы-субстанции ее модусов, или Паскаля, чье умонастроение далеко от прославления прогресса⁵. И совершенно напрасны эти претензии в отношении Канта. Более того, можно утверждать, что кантианское понимание причин и характера современных проблем и способов их решения шагнуло дальше понимания экономистов и политиков Римского клуба.

Кантианская перспектива

Кантианский взгляд на устойчивое развитие, прогресс, ресурсы, окружающую среду и другие смежные вопросы представлен в литературе. В частности, Ричард Ховарт рассматривает «кантианскую деонтологию» как способ установления межпоколенческой справедливости в пользовании природными ресурсами через «сильное предубеждение против действий, приносящих текущие выгоды, но создающих риск необратимых потерь в будущем» (Howarth, 1995, p. 418), то есть как средство против недальновидности. Мартин Шёнфельд отмечает недостаточность внимания к Канту в этике окружающей среды и предлагает способ вывести принцип устойчивости из первой формулы категорического императива (Schönfeld, 2008). Кейт Моран подчеркивает связь между прогрессом и сообществом: «...поскольку Кант говорит нам, что мы обязаны работать над созданием этического общества, то социальные институты, способствующие нашему продвижению к этой цели, становятся центральными для полного изложения моральной философии Канта» (Moran, 2012, p. 1). Голан Лахат ищет в кантовской философии политическое воображаемое прогресса, которое стало бы здоровой середи-

⁵ «Все, что улучшается при движении вперед, этим же движением губится» (Паскаль, 1995, с. 287); в оригинале: «Tout ce qui se perfectionne par progrès, périt aussi par progrès» (Pascal, 1896, p. 166).

their great merits, are not groundless, these claims are less convincing e.g. with regard to Spinoza, who denied a personal God, teleology and hence the possibility of any “mandate” and emancipation from nature-substance by its modi, or Pascal, whose mindset is far removed from glorifying progress.⁵ Such claims are particularly unjustified regarding Kant. Moreover, the Kantian interpretation of the causes and character of modern problems and means of solving them is arguably far ahead of that of the Club of Rome economists and politicians.

The Kantian Perspective

The Kantian view of sustainable development, progress, resources, the environment and related matters has been studied in the literature. For example, Richard B. Howarth (1995, p. 418) views “Kantian deontology” as a method of ensuring intergenerational fairness in the use of natural resources through “a strong bias against actions that generate present benefits but impose the risk of irreversible future losses”, i.e. as a remedy against short-termism. Martin Schönfeld (2008) notes insufficient attention to Kant in matters that have to do with environmental ethics and suggests that the principle of sustainability can be derived from the first formula of the categorical imperative. Kate A. Moran (2012, p. 1) stresses the link between progress and community: “because Kant tells us that we have a duty to work toward an ethical community, these social institutions that facilitate our progress toward this end become central to a complete account of Kant’s moral philosophy”. Golan Moshe Lahat (2013) looks for a “political imaginary” of progress in Kant

⁵ “All that is made perfect by progress perishes also by progress” (Pascal, 1910, p. 40).

ной между крайностями капиталистического индивидуализма и этнонационализма в контексте Израиля и за его пределами (Lahat, 2013). Панкоджини Мулиа с соавторами пытается приложить кантовскую моральную метафизику к проблемам устойчивого развития, получая три кантианских императива: социальный, экономический и окружающей среды (Mulia, Behura, Kar, 2018). Устойчивое развитие оказалось в центре недавнего коллективного исследования «Кант и возможность прогресса: от современных надежд к постсовременным тревогам» (Kant and the Possibility..., 2021). Наконец, хотя и не исчерпывая этот список, анализу критики Канта авторами Доклада была посвящена прошедшая в Калининграде в апреле 2022 г. конференция «Иммануил Кант и “новое Просвещение”» (см.: Старцева, Сабанов, 2023). Все это свидетельствует как минимум о том, что современные кантианцы озабочены различными аспектами проблемы устойчивого развития и видят в кантианской парадигме ресурсы для их разрешения. Обратимся к оценке этих ресурсов.

«Сложное положение человечества»

Первая сильная сторона кантианской философии — это более глубокая диагностика нашего состояния и наших затруднений. Там, где доклады Римского клуба и декларации ООН видят внешние экологические, экономические и социальные симптомы, Кант позволяет разглядеть их внутренние причины — породившие их изъяны в человеческом мировоззрении и поступках. «Затруднения человечества», согласно Римскому клубу, заключаются в том, что математические модели предсказывают скорое истощение ресурсов и необратимые изменения среды (Weizsäcker, 2019, p. 29). В кантовской же системе координат наши затруднения вызваны не тем, что случился переход от «пустого» к «заполненному» миру (это нормально и ожидаемо), а тем, что одновременно не случился переход от несовершеннолетия к

which would be a golden mean between the extremes of capitalist individualism and ethno-nationalism in and outside Israel. Pankojini Mulia, Ajit Kumar Behura and Sarita Kar (2018) try to apply Kant's moral metaphysics to the problems of sustainable development arriving at three Kantian imperatives: social, economic, and environmental. Sustainable development is at the focus of the collective study *Kant and the Possibility of Progress: From Modern Hopes to Postmodern Anxieties* (Wilford and Stoner, 2021). Finally, though this does not exhaust the list, analysis of Kant's critique by the authors of the *Report* was the theme of the conference “Immanuel Kant and ‘the new Enlightenment’”, held in Kaliningrad in April 2022 (see Startseva and Sabanov, 2023). All this shows at least that modern Kantians are concerned about various aspects of the problem of sustainable development and see that the Kantian paradigm has potential for its solution. Let us consider this potential.

“Predicament of Mankind”

The first strong point of Kantian philosophy is its more profound diagnosis of our condition and its difficulties. Where the Club of Rome's reports and UN declarations see external ecological, economic and social symptoms, Kant enables us to discern their internal causes, the flaws of the human worldview and acts. The “Predicament of Mankind”, according to the Club of Rome, consists in the fact that mathematical models predict early depletion of resources and irreversible changes of the environment (Weizsäcker, 2019, p. 29). By contrast, in the Kantian system of coordinates our problems stem, not from the fact of transition from an “empty” to a “full” world (which is normal and to be expected), but from the fact that it

совершеннолетию человечества. «Заполненный мир» и «совершеннолетний мир»⁶ — это разные аспекты одного состояния, и для сохранения устойчивости в «заполненном мире» необходимо, чтобы какое-то достаточное множество людей признали и приняли *свое собственное* совершеннолетие — и как решимость и мужество пользоваться своим умом, и как осознание своего исторического предназначения, и как смену умонастроения и переориентацию на нравственное совершенство, и как осознание необходимости предписываемого моральным законом анализа собственных поступков. Эти внутренние изменения являются условием установления внешнего баланса между человеком и природой, краткосрочными целями и долгосрочными, скоростью и стабильностью, на необходимость которого указывает Доклад.

Уже в кантовские времена проявились ставшие сегодня повсеместными стратегии реакций на перегрузки современности. Жизнь в состоянии совершеннолетия оказалась тяжелым бременем не только по субъективной причине «лености и трусости», но и по объективной и, возможно, в кантовское время еще не столь заметной причине «сокращения настоящего», съедаемого прошлым и будущим⁷. Для самостоятельного суждения необходим некоторый

⁶ Понятие «совершеннолетнего мира» употреблялось Дитрихом Бонхёффером в том смысле, что «Бог все дальше и дальше вытесняется из ставшего совершеннолетним мира, из сфер нашего познания и нашей жизни, и со времен Канта сохраняет позиции только по ту сторону эмпирического мира», а современный человек предоставлен сам себе, обладает автономией и несет полную ответственность за свои действия (Бонхёффер, 1994, с. 252). Бонхёффер находит четкую и вполне кантовскую формулировку для описания сути перехода от религиозного теонормного сознания, в том числе все еще присущего Бэкону и Декарту, к сознанию безрелигиозному и автономному.

⁷ «Сокращенное пребывание в настоящем» и компенсаторные реакции на это состояние — общая тема философов так называемой «школы Риттера», которая прямо связана с проблемой несостоявшегося совершеннолетия и потому может считаться актуальным развитием линии мысли, яркое выражение которой дает Кант. То, что у современности будут проблемы с настоящим, было ясно уже Паскалю: «Мы никогда не задерживаемся в настоящем...» (Паскаль, 1995, с. 90).

was not accompanied by mankind's transition from immaturity to maturity. The "full world" and the world that "has come of age"⁶ are different aspects of the same state and for the "full world" to remain stable a sufficient number of people should recognise and accept *their own* maturity as determination and courage to use their reason, as awareness of their historical mission, as change of mindset and reorientation toward moral improvement, and as an awareness of the need to scrutinise one's own acts as prescribed by the moral law. These internal changes are essential for an external balance between humans and nature, short-term and long-term goals, speed and stability the *Report* calls for.

Strategies of coping with overstress which have become universal, already manifested themselves in Kant's time. Life in a state of maturity turned out to be a heavy burden, not only owing to the subjective causes of "idleness and cowardice" but also owing to an objective cause that was perhaps less noticeable in Kant's time, i.e. "the contraction of the present", which is being eaten up by the past and the future.⁷ Independent judgment calls for a certain min-

⁶ The concept of "the world that has come of age" was used by Dietrich Bonhoeffer (2010, p. 450) in the sense that "God is being increasingly pushed out of a world that has come of age, out of the spheres of our knowledge and life, and that since Kant he has been relegated to a realm beyond the world of experience", whereas the modern human being is left to fend for her-/himself, possesses autonomy and is fully responsible for her/his actions. Bonhoeffer finds a clear and fairly Kantian formula for describing the essence of the transition from religious theonomic consciousness, which, incidentally, was characteristic of Bacon and Descartes, to non-religious and autonomous consciousness.

⁷ "Shortened stay in the present" and compensatory reactions to this state is a common theme of the philosophers of the "Ritter school" which is directly related to the problem of failed coming of age, and can therefore be seen as a development of the line of thought vividly expressed by Kant. That modernity would have problems with the present was already clear to Pascal: "We do not rest satisfied with the present [...]" (Pascal, 1910, p. 64).

массив релевантного опыта, но опыт все быстрее устаревает, ограничивая возможности даже тех, кто исполнен решимости к совершенности. Уже современники Канта формулируют две радикальные стратегии бегства от бремени совершенности здесь и сейчас в прошлое и в будущее. Обратимся к кантовским оценкам этих устремлений.

Назад

Разочарование, фрустрация и ресентимент не вписавшихся в современность уже в XVIII в. заставляли их соблазняться архаикой и стремиться назад — от культуры к свободной от культурных рамок природе, от рационального мышления в понятиях и аргументах обратно к смутным образам и мифам. Как и сегодня, одиозных фигур в этом движении было много больше, чем философски интересных. Два по-настоящему великих «мечтателя» из кантовского окружения представляют этот тренд в его наиболее глубокой и значительной форме: И.Г. Гаман, сам назвавший себя «мизологом» (или «мисологом»), то есть противником разума⁸, и Ф.Г. Якоби в недавнем исследовании представленный как, «возможно, единственный человек в истории философии, чья главная претензия на славу — мизолог, ненавистник разума» (Crowe, 2023, p. 9).

Кант с пониманием и сожалением относится к впадшим в мизологию и терпеливо призывает оставить эту установку⁹. Мизология — это ошибка «ненависти к науке ради любви к одной мудрости», которая может быть вызвана в человеке не только пустотой научных познаний,

⁸ Первоначальным названием трактата, в итоге (в 1784 г.) превратившегося в «Голгофу и Шеблимины» и «Метакритику пуризма разума», было «Шеблимины, или эпистолярные измышления мизолога» (Betz, 2012, p. 220). Очевидно, Гаман откликнулся на употребление этого слова Кантом в первой «Критике» (A 855 / B 883), а Кант позаимствовал его у Платона («Федон», 89d).

⁹ История его отношений с Гаманом последовательно иллюстрирует эту позицию.

imum body of relevant experience, but experience tends to become outdated faster and faster, limiting the opportunities even of those who are determined to become mature. Already Kant's contemporaries formulated two radical strategies of escaping from the burden of maturity here and now into the past and the future. Let us look at Kant's assessments of these aspirations.

Backwards

Already in the eighteenth century disenchantment, frustration and *ressentiment* led those unfit for modernity to be tempted by archaicism and to look back from culture to nature which is free of cultural constraints, from rational thinking in concepts and arguments, to vague images and myths. Like today, that movement produced many more odious than philosophically interesting figures. Two really great “dreamers” from amongst Kant's peers represent this trend in its most profound and significant form: Johann Georg Hamann who called himself a “misologist”, i.e. a hater of reason,⁸ and Friedrich Heinrich Jacobi, described in a recent study as “maybe the only person in the history of philosophy whose main claim to fame is that of a *misologist*, a hater of reason” (Crowe, 2023, p. 9).

Kant regards those who fell into misology with understanding and regret and patiently urges them to abandon this stance.⁹ Misology is a mistake consisting in “hate of science but love of wisdom” which may be caused in

⁸ The initial title of the treatise which eventually (in 1784) became *Golgotha and Sheblimini!* and *Metacritique of the Purism of Reason* was *Sheblimini, or Epistolary Reflections of a Misologist* (Betz, 2012, p. 220). Apparently, Hamann was reacting to the use of this word by Kant in the first *Critique* (*KrV*, A 855 / B 883), while Kant borrowed it from Plato (*Phaedo*, 89d).

⁹ The history of his relations with Hamann consistently illustrates this position.

но и, наоборот, большими ранними успехами в них с последующим разочарованием (AA 09, S. 26; Кант, 1980в, с. 334). Разочарование также может быть вызвано наблюдением человека с развитым умом за животным блаженством тех, кому ум не препятствует следовать своим инстинктам (AA 04, S. 395–396; Кант, 1997, с. 67). Ренегат, не научившийся пользоваться разумом, может стать его самым изошренным врагом, но эта борьба бесплодна. Отринувшие разум вступают, согласно Канту, в «царство теней — рай для фантастов. Здесь они находят безграничную страну, где они могут возводить какие угодно здания, не испытывая недостатка в строительном материале, который обильно поставляется измышлениями ипохондриков, сказками нянюшек, монастырскими рассказками о чудесах» (AA 02, S. 317; Кант, 1994а, с. 204).

Удел антимодерниста Кант именует «мечтательностью» (*Schwärmerei*). Иногда он придает этому слову значение бегства от мира, и тогда мечтательность означает бессилие перед природой, отказ от ее понимания и изменения — возвращение «культурного мандата», жалкую капитуляцию человека. Но иногда «мечтательность» принимает форму жесткого фанатизма, толкающего к дикости и насилию над вызывающей ненависть культурой. Во многих произведениях Кант прямо противопоставляет дикость (*Rohigkeit*) и животность (*Tierheit*) человечности (*Menschheit*) (см., напр., AA 06, S. 26; Кант, 1980а, с. 96). Культура позволила человеку подняться над природой, облегчила жизнь, принесла комфорт, но требует платить за него подчинением своему порядку, и это провоцирует «тягу к негативному» и иррациональный антимодернистский бунт.

Для Канта исповедуемый наиболее радикальным антимодернизмом отказ от разума невозможен, но критика разума, то есть определение пределов его применимости и предохранение от саморазрушительных злоупотреблений, является первейшей задачей философии. Кант согласен с противниками совре-

a person not only by the vacuity of scientific knowledge, but also, on the contrary, by early great success in it and subsequent disenchantment (*Log*, AA 09, p. 26; Kant, 1992, p. 539). Disenchantment may also be the result of a person with a developed mind observing the animal bliss of those whom intelligence does not prevent from following their instincts (*GMS*, AA 04, pp. 395-396; Kant, 1996b, p. 51). A renegade who has not learned to use intelligence may become its most sophisticated enemy, but the struggle is barren. Those who have rejected reason enter, according to Kant, “[t]he realm of shades [...] [.] the paradise of fantastic visionaries. Here they find a country without frontiers which they can cultivate at their pleasure. Hypochondriacal exhalations, old wives’ tales and monastery miracles do not leave them short of building materials” (*TG*, AA 02, p. 317; Kant, 1992, p. 305).

Kant describes the anti-modernist stance as “enthusiasm” (*Schwärmerei*). Sometimes he invests this word with the meaning of escape from the world, in which case it means powerlessness in the face of nature, renunciation of attempts to understand and change it, a return of the “cultural mandate”, humanity’s ignominious capitulation. But sometimes “enthusiasm” takes the form of brutal fanaticism, promoting savagery and violence with regard to hated culture. In many of his works, Kant directly counterposes barbarism (*Rohigkeit*) and animality (*Tierheit*) to humanity (*Menschheit*) (see, for example, *RGV*, AA 06, p. 26; Kant, 2001b, p. 74). Culture has enabled man to rise above nature, made life easier, brought comfort, but in return it demands submission to its order, and this provokes a “yearning for negativity” and an irrational anti-modernist revolt.

For Kant the rejection of reason preached by the more radical anti-modernists is unthinkable, but the critique of reason, i.e. determin-

менности в том, что злоупотребления, подобные рационализаторскому рвению прогрессистов, упомянутому Римским клубом, имеют место и нуждаются в том, чтобы быть успокоенными — но не через устранение или внешнее ограничение разума, а через его культивацию. «Культурный мандат» оказывается в первую очередь мандатом разума на управление самим собой, на автономию. Разум, пренебрегающий этим трудом, лишается самостоятельности и попадает в зависимость (AA 08, S. 144—147; Кант, 1994д, с. 229—237).

Антимодернистское устремление к архаике также может быть продиктовано разочарованием не столько в разуме, сколько в способности большинства людей пользоваться им — большинства, но, конечно, не самого разочаровавшегося, уверенного в собственной компетентности, в прямом доступе к высшим тайнам бытия и даваемом им праве на пастырство или господство. Такой человек решит устроить архаический мир, точнее, иллюзию мира не для себя, а для других. Для них подыщет он пещеру, оснастит ее по последнему слову «иммерсивных технологий» и станет транслировать занимательные истории, которые очарованный зритель будет принимать за реальность. «Кто не увидит здесь мистагога, который не просто бредит про себя, но одновременно организует клубы сторонников и, разговаривая со своими адептами не так, как с народом (под которым понимаются все непосвященные), *барствует*, обладая этой своей мнимой философией!» (AA 08, S. 398; Кант, 1994б, с. 507).

Даже тот, кто пытается установить подобную опеку над несовершеннолетними и думать за них из лучших побуждений, все равно повинен в патернализме, который Кант определяет как «величайший *деспотизм*, какой только можно себе представить» (AA 08, S. 291; Кант, 1994е, с. 285), противостоящий призванию человека мыслить свободно и самостоятельно (AA 08, S. 41; Кант, 1994в, с. 147). Если мы внимательно присмотримся к современ-

ing the limits of its applicability and prevention of self-destructive abuses, is the prime task of philosophy. Kant agrees with the opponents of modernism that abuses such as the rationalising zeal of progressivists referred to by the Club of Rome do exist and need to be calmed down, but not through elimination or external constraints of reason, but through its cultivation. The “cultural mandate” turns out to be above all the mandate of reason to control itself, to autonomy. Reason which neglects this work forfeits autonomy and falls into dependence (WDO, AA 08, pp. 144-147; Kant, 1998, pp. 12-14).

The anti-modernist craving for archaicism may also be prompted by disappointment, not so much in reason as in the ability of the majority of people to use it. This does not of course affect the ability of the one who is so disappointed, for he/she is confident in his/her own competence, having direct access to the highest secrets of being and the right to guardianship or dominance it confers. Such a person would decide to make an archaic world — or rather, an illusion of one — not for him/herself, but for others. He would find them a cave, set it up according to the latest word in “immersive technologies” which the enraptured viewer would take for reality. “Who can fail to see here the mystagogue, who not only raves on his own behalf, but is simultaneously the founder of a club, and in speaking to his adepts, rather than to the people (meaning all the uninitiated), plays the superior with his alleged philosophy!” (VT, AA 08, p. 398; Kant, 2002, p. 439).

Even he who attempts to assume such guardianship of the minors and do their thinking for them out of the best of intentions would still be guilty of paternalism, which Kant calls “the greatest despotism thinkable” (TP, AA 08, p. 291; Kant, 1996с, p. 291) and which challenges human vocation to think freely and in-

ным дискуссиям об устойчивом развитии и новом просвещении, мы заметим пробивающийся покровительственный тон и готовность некоторых просвещенных участников *принудить* неразумные массы к принятию экологического или какого-то иного провозглашаемого верным мировоззрения. Соппротивление этой тенденции составляет главную мотивацию контр-просвещения Гамана и Якоби, и в этом Кант с ними полностью солидарен (см.: Чернов, Шевченко, 2010, с. 96–99). Он предвидит эту могущую показаться соблазнительной возможность и указывает на то, что обман и принуждение в корне противоречат целям *развития* человеческого в человеке. Кроме того, деление на опекунов и опекаемых, на пастухов и стадо способствует радикальному углублению неравенства, которое как раз значителен в числе первейших проблем, подрывающих устойчивость. И наконец, человек не может надеяться найти себе надежного, авторитетного господина среди себе подобных, таких же ограниченных и дезориентированных существ.

Спасение в прошлом оказывается невозможным.

Вперед

Другая возможная реакция на отчуждение от настоящего и утрату устойчивости в нем — это бегство в будущее. Согласно известной поговорке, мы можем попытаться вышибить клин клином, то есть попробовать решить проблемы, созданные инновацией, посредством еще большей инновации. Модернизация, оптимизация, ускоренное развитие, повышение эффективности — магические слова, наполняющие (или опустошающие) менеджерский новояз во всех сферах человеческой деятельности. Чуждое настоящее не интересует прогрессиста, он надеется, что его собственностью станет будущее. В крайней форме акселерационистский «энтузиазм» схож с религиозной устремленностью к концу света. Критики техноэнтузиазма усматривают нем эхо гностического отрица-

тельно (*WA*, AA 08, p. 41; Kant, 1996a, p. 22). If we take a close look at current discussions on sustainable development and the new enlightenment we cannot help detecting an occasional overweening tone and the readiness of some enlightened participants to *coerce* the dumb masses into adopting an ecological or some other world view proclaimed to be right. Resistance to this tendency is the main motive of the counter-enlightenment stance of Hamann and Jacobi, whereby Kant is totally on their side (*cf.* Chernov and Shevchenko, 2010, pp. 96-99). He foresees this tempting possibility and affirms that deceit and coercion run counter to the goals of the *development* of humanity in human beings. Besides, division into guardians and their wards, shepherds and the herd is conducive to radical deepening of inequality which is deemed to be one of the main problems that undermine stability. Finally, a person cannot hope to find a reliable and authoritative master among his kin who are as narrow-minded and disoriented as he/she is.

Salvation in the past is impossible.

Forward

Another possible reaction to alienation from the present and loss of stability in it is escape to the future. As the saying goes, we may try to drive out one wedge with another, i.e. try to solve the problems created by innovation through further innovation. Modernisation, optimisation, accelerated development, increased efficiency are magical words which fill (or empty) the managerial newspeak in various spheres of human activity. The progressivist is not interested in the present, which is alien to him, but hopes that the future will be his. In its extreme form the accelerationist “enthusiasm” resembles the religious directedness towards the end of the world. Critics of techno-enthusiasm

ния наличного мира как пораженного злом и надежды на спасение из него силой научного знания и техники (см.: Фёгелин, 2021). Технократическая установка звучит и в современных концепциях устойчивого развития, создатели которых во многом уповают на экономические, экологические и социально-политические *технологии* в исправлении негативных последствий гипертрофии технологий индустриальных на прошлом шаге развития.

С кантовской точки зрения, эти надежды несостоятельны по целому ряду причин. Во-первых, они поверхностны и нацелены на лечение симптомов вместо устранения «болезни современности», лежащей в сознании человека, а не во внешней природе. Обеспечиваемый технологиями рост материального благополучия человечества и каждого конкретного человека в кантовской системе координат является важной целью: счастье другого — это долг, утверждает Кант в «Метафизике нравов». Более того, долгом является и забота о себе: «обеспечить себе свое собственное блаженство есть долг (по крайней мере, косвенно), так как недовольство своим положением среди массы забот и неудовлетворенных потребностей могло бы легко сделаться сильным *искушением к нарушению обязанностей*» (AA 04, S. 399; Кант, 1997, с. 77). Однако, в отличие от просветителей-эвдемонистов и их современных последователей, для которых цель этим и исчерпывается, выше счастья Кант ставит нравственное сознание, которое благополучием не обеспечивается, а требует внутреннего усилия и перерождения, изменения образа мыслей. Только осознанное и свободное признание нравственного закона конкретными людьми в сумме даст искомый результат — преодоление кризиса, обретение устойчивости и продолжение развития. Таким должно быть подлинное просвещение, которое обеспечивается образованием и воспитанием, основанными не на технологиях (хотя, конечно, и использующих их), не на «мануфактурном производстве», «*планомерно или фабрично* (в видах государственной пользы) устроенном

hear in it echoes of gnostic denial of the existing world as blighted by evil and of the hope of salvation through scientific knowledge and technology (e.g. Voegelin, 1952). The technocratic fix is promoted in modern concepts of sustainable development which pin their hopes on economic, ecological and socio-political *technologies* in rectifying the negative consequences of inflated industrial technologies at the previous stage of development.

From Kant's point of view these hopes are untenable for a whole range of reasons. First, they are superficial and are aimed at curing symptoms instead of the “malaise of modernity” which is in human consciousness and not in external nature. In the Kantian framework, growth of the material well-being of humanity and of every concrete human being, ensured by technologies, is an important goal: the happiness of the other is a duty, Kant claims in *Metaphysics of Morals*. Moreover, care of oneself is also a duty: “To assure one's own happiness is a duty (at least indirectly); for, want of satisfaction with one's condition, under pressure from many anxieties and amid unsatisfied needs, could easily become a great *temptation to transgression of duty*” (GMS, AA 04, p. 399; Kant, 1996b, p. 54). However, in contrast to eudemonic Enlighteners and their modern followers for whom this is the highest goal, Kant puts moral consciousness above happiness. It is not secured by well-being, but demands an effort and a rebirth, a change of the mode of thinking. Only a conscious and free recognition of the moral law by concrete people in their mass can deliver the coveted result, overcoming of the crisis, stability and continued development. Such must be genuine enlightenment, ensured by education and upbringing, based not on technologies (though of course using them), not on “handwork”, “an arbitrary form-giving undertaken by design, or even machine-made (on behalf of the state)”, but on “industrious and

формотворчестве», а на «прилежном и добро-совестном труде субъекта» (AA 08, S. 404; Кант, 1994б, с. 523) и человеческом этическом сообществе. Другого пути, по Канту, просто нет.

Во-вторых, и это достаточно очевидно, применение технологических решений для порожденных технологиями же проблем лишь разгоняет и усложняет ситуацию: найденные решения на следующем шаге сами становятся проблемами. Конечно, этот подход может устраивать безответственных кризисных менеджеров, давая оправдание их существованию и претензии на господство. Такой способ мышления дезавуируется Кантом в «Основноположении к метафизике нравов», где он высмеивает человеческую уверенность в способности предсказывать последствия собственных действий (AA 04, S. 418; Кант, 1997, с. 135). Мир несравнимо сложнее нашего представления о нем, и его сложность и подвижность растут вместе с ростом человеческой симпозиетической активности. Это можно назвать познавательной подоплекой кризиса устойчивости и причиной возникновения общества риска: мы действуем в ситуации недостаточной определенности. Кантовский выход из этого тупика состоит в развитии мышления, основанного на нравственных принципах, остающихся неизменными в меняющейся внешней ситуации. Моральный закон еще и потому похож на звездное небо, что позволяет ориентироваться и вершить навигацию по «моральному компасу» в непредсказуемом море жизни. Именно он обеспечивает устойчивость и является мерилем развития.

Наконец, третья проблема прогрессистского бегства в будущее заключается в том, что платой за ускоренное приближение будущего технологическими средствами неизбежно становится дегуманизация человека. По Канту, единственная дорога в будущее лежит через просвещение и развитие нравственного сознания, но это дорога долгая, она петляет и тянется за горизонт, и двигаться по ней приходится шагами, малозаметными внешне, потому что главное движение происходит внутри. Эта медленность

careful work of the subject" (VT, AA 08, p. 404; Kant, 2002, p. 444) and an ethical human community. There is no other way, according to Kant.

Secondly, and obviously, the use of technology to solve technology-generated problems merely aggravates the situation: at the next step the solutions themselves become problems. This approach may, of course, suit irresponsible crisis managers because it shows their usefulness and bolsters their claim to dominance. Kant rejects this mode of thinking in *Metaphysics of Morals*, in which he ridicules people's confidence in being able to predict the consequences of their actions (GMS, AA 04, p. 418; Kant, 1996b, p. 70). The world is incomparably more complex than we think it is, and it becomes more complex and mobile with the growth of human sympoietic activity. This may be called the underlying cognitive cause of the crisis of stability and the emergence of the risk society: we act in a situation of uncertainty. Kant's way out of the dead-end consists in developing moral thinking which remains immutable amid the changing external situation. One reason that the moral law is likened to the starry heavens is that it enables one to take one's bearings in the unpredictable sea of life "by the moral compass".

Finally, the third problem with the progressivist escape to the future is that the inevitable price of bringing the future closer by technological means is the dehumanisation of human beings. According to Kant, the only road to the future is through enlightenment and the development of moral consciousness, but this is a long and tortuous path, leading beyond the horizon, and one has to move in steps that are little noticed from the outside because the main movement is internal. The slowness is unacceptable to those who are inspired by scientific and technological enthusiasm or dread

не устраивает тех, кто окрылен научно-техническим энтузиазмом или исполнен ужасом перед наступающим будущим. Такой человек может попытаться срезать путь, а это означает техническое воздействие на других людей, каждый из которых есть «*нечто большее, чем машина*» (AA 08, S. 41; Кант, 1994в, с. 147), с целью либо поскорее изменить их сознание, либо нейтрализовать как отягощающий балласт. Конечно, такой путь ведет не к устойчивому развитию, а к утрате самого развиваемого. Человек, носитель потенциала человечности — это не препятствие и не проблема на пути к будущему, а ключ к проблеме и цель всего движения.

У этой третьей проблемы расчеловечивания есть еще одно измерение, касающееся уже не человека — объекта технологического воздействия, а человека-субъекта, самого модернизатора-прогрессора. В погоне за технически произведенным будущим он также утрачивает человечность, усилием воли превращая себя в инструмент господства над природой и другими людьми как частью природы. Эта добровольная инструментализация себя — возможно, самое удивительное и самое прискорбное из случившегося с современным человеком. Аскетический отказ от присутствия в настоящем ради работы на светлое будущее составляет одну из основ этики современности. Титаны этой аскезы, лидеры и визионеры современного общества, не только поставляют свою энергию для углубления кризиса, но и передают свое отсутствие вкуса к жизни в настоящем другим, вдохновляя или вынуждая подражать себе. Эта комплексная и глубоко укорененная установка также нуждается в пересмотре, если мы надеемся на баланс и устойчивое развитие.

Бегство в будущее также невозможно, необходимо иметь дело с настоящим.

Кантианская философия баланса

В Докладе названы несколько пар, установление баланса в которых видится авторам необходимым условием устойчивого развития.

the approaching future. Such a person may try to use shortcuts, which means technical influence on other people “like machines” (WA, AA 08, p. 41; Kant, 1996a, p. 22) to change their consciousness quickly or neutralise them as ballast. Needless to say, this path leads, not to sustainable development, but to the loss of what is being developed. The human being, the bearer of the potential of humanity, is not an obstacle and not a problem with regard to moving toward the future but the key to the problem and the end of all movement.

This third problem of dehumanisation has yet another dimension which has to do, not with the human being as the object of technological influence, but as the agent of modernisation and progress. In the overextended pursuit of a technology-driven future one loses one’s humanity, forcing oneself to become an instrument of dominance over nature and other people as part of nature. Voluntary instrumentalisation of self is perhaps the most surprising and the most lamentable thing that has happened to the modern human being. Ascetic refusal to be in the present for the sake of working for a bright future is one of the pillars of the ethic of modernity. The ascetic titans, leaders and visionaries of modern society, do not only provide energy for deepening the crisis, but transmit to others their lack of taste for life in the present, inspiring or forcing them to copy themselves. This complex and deeply embedded attitude also needs to be revised if we aspire to balance and sustainable development.

Flight to the future is also impossible, one has to deal with the present.

Kantian Philosophy of Balance

The *Report* names several pairs whose balance its authors consider to be the precondition of sustainable development. Let us look at the Kantian potential with regard to some of them.

Посмотрим, каковы кантианские возможности в отношении некоторых из них.

Баланс между человеком и природой. Стандартное кантовское определение природы — это «существование множества вещей под множеством законов» (см., напр.: AA 04, S. 421; Кант, 1997, с. 145). Человек одновременно является «вещью» природы и поднимается над ее порядком благодаря способности к свободе и внутреннему источнику нормативности в разуме. Кант далек от бэконской программы подчинения природы, требующей *сначала* признать рабство человека у нее¹⁰. Кант также далек от локковской озабоченности собственностью и владением — за пределами руководства человеческой природой со стороны разума. Его идеал, или, точнее, регулятивная идея, — это отсутствие природных препятствий для *правильно понятой* человеческой свободы. А правильно понятая свобода — это вовсе не разгул природных appetites и потребления.

Баланс между краткосрочным и долгосрочным. Одно из главных обвинений Доклада в адрес «старого» просвещения состоит в том, что его теоретики обосновали безоговорочный приоритет индивидуальных интересов, из-за краткости человеческой жизни и ограниченной рациональности неизбежно краткосрочных, над долгосрочными соображениями общего блага. Интересно, что это обвинение успешно попадает в Канта, прочитанного через до сих пор влиятельную ролзианскую оптику. Ролз, опасаясь фундаменталистских «всеобъемлющих» трактовок блага, понимает человека, человеческую личность как «рациональный план жизни», «расписание деятельностей и целей» (Rawls, 1999, p. 481), которое «будет предусматривать некоторые обеспечения даже для самого отдаленного будущего и для нашей смерти» (Ibid., p. 383). Но человек, помещающий «самое отдаленное будущее» в преде-

¹⁰ «Природа побеждается только подчинением ей...» (Бэкон, 1978, с. 12).

Balance between human beings and nature. The standard Kantian definition of nature is “the existence of things insofar as it is determined in accordance with universal laws” (see, for example, GMS, AA 04, p. 421; Kant, 1996b, p. 73). The human being is simultaneously a “thing” of nature and above nature, owing to his/her capacity for freedom and an inner source of normativity in reason. Kant is remote from Bacon’s programme of subjugating nature which calls for *prior* recognition of being its slave.¹⁰ Kant is likewise remote from Locke’s concern about property and ownership beyond stewardship of human nature by reason. His ideal, or rather, regulative idea is the absence of natural obstacles to *correctly understood* human freedom. Correctly understood, human freedom is a far cry from the sway of natural appetites and consumption.

Balance between the short-term and long-term. One of the main charges the Report levels at the “old” enlightenment is that its theoreticians assert unqualified priority of individual interests, which are inevitably short-term because of the brevity of human life and boundedness of rationality, over long-term considerations of the common good. Interestingly, Kant, interpreted through the still influential Rawlsian optics, is also within the range of this fire. Rawls, who is wary of “comprehensive” interpretations of good, sees the human person as “a rational life plan”, a “schedule of activities and aims” (Rawls, 1999, p. 481), which would “make some provision for even the most distant future and for our death” (*ibid.*, p. 383). But the human being who fits “the most distant future” within his/her own life loses much of what, according to Kant, makes a person human. Among these losses is reason’s yearning for the unconditional, concern about the “frighteningly sublime” idea of “the end of all

¹⁰ “[...] nature is only subdued by submission [...]” (Bacon, 1952, p. 107 (I, 3)).

лы собственной жизни, утрачивает значительную часть того, что, по Канту, делает его человеком. Среди многого утраченного окажется стремление разума к безусловному, озабоченность «чудовищно возвышенной» идеей «конца всякого времени» (AA 08, S. 327; Кант, 1980б, с. 279), «наивысшим благом» и его достижимостью для человеческого рода в истории. Быть человеком значит не только стремиться к краткосрочному, но и ориентировать свое мышление и жизнь относительно идей, превосходящих человеческое время.

В конце концов именно этого требует от нас категорический императив. Его первая формула (и ее вариации) ставит перед нами задачу примерять на себя превосходящую наши возможности роль всеобщего законодателя. Вторая формула обязывает видеть целью человечность во всей ее сложности. Третья формула задает перспективу, которую можно назвать «финалистским консеквенциализмом»: сверять свои действия с одним-единственным значимым для всего множества наделенных разумом существ и очень отдаленным последствием суммы всех действий всех разумных существ, а именно совпадением блаженства и нравственности в «царстве целей». Все это задает перспективу, сходящуюся далеко за горизонтом планирования экономических теорий или математических моделей поведения глобальной экосистемы.

Баланс между скоростью и стабильностью. Здесь в дело вступают кантовская философия истории и его позиция в отношении «оптимизма». Прежде всего Кант антропологический реалист и понимает, что воспитание и просвещение человеческого рода, то есть собственно прогресс, будет медленным. Настолько медленным, что с позиции отдельного человека прогресс может быть незаметным (его не замечает, например, М. Мендельсон, оппонент Канта в этом вопросе), таким, что только долг оптимизма будет удерживать наблюдателя от разочарования в прогрессе человечества. Пы-

time" (EaD, AA 08, p. 327; Kant, 2001a, p. 221), "the supreme good" and whether humankind can achieve it in history. To be human does not only mean to strive toward short-term goals, but to orient one's thinking and life with regard to ideas that go beyond a single life span.

At the end of the day this is the demand of the categorical imperative. Its first formula (and its variations) urges us to try to assume the role of a universal law-giver which exceeds our capacity. The second formula demands seeing humanity in all its complexity. The third formula sets a perspective that may be called "finalist consequentialism": to measure one's actions against the distant consequence of the sum of all actions of all intelligent creatures which is solely significant for the whole set of beings endowed with reason, and that is the combination of happiness and morality in "the kingdom of ends". All this creates a perspective reaching far beyond the planning horizon of economic theories or mathematical models of the behaviour of the global eco-system.

Balance between speed and stability. This brings in the Kantian philosophy of history and his stance concerning "optimism". First of all, Kant, being an anthropological realist, understands that education and enlightenment of the human race, i.e. progress, will be a slow process. So slow, in fact, as to be unnoticed by an individual person (e.g. by Moses Mendelssohn who is Kant's opponent on this issue) – so that only the duty of optimism would hold the observer back from being disappointed in humanity's progress. To try to speed up progress in the hope of bringing about maturity by natural means is futile and dangerous: "new prejudices will serve just as well as old ones to harness the great unthinking masses" (WA, AA 08, p. 36; Kant, 1996a, p. 18). It is equally futile and dangerous to hold it back: the expansive panegyric to Friedrich in the treatise on enlightenment can be interpreted, following Foucault, as a

таться форсировать прогресс в надежде скорее «причинить» совершеннолетие природными средствами бесполезно и опасно: «новые предубеждения, так же, как старые, будут служить помочами для бездумной толпы» (AA 08, S. 36; Кант, 1994в, с. 131). Столь же бесполезно и опасно сдерживать его: пространный панегирик в адрес Фридриха в трактате о просвещении можно, вслед за Фуко, прочесть как завуалированный ультиматум опекунам от имени разума, осознавшего свою автономию. Все остальное, что мы обычно именуем «прогрессом», прежде всего его научно-технологическое содержание, является лишь средством. В отношении средства мы обязаны постоянно задавать вопрос: служит ли оно цели, не превратилось ли оно в препятствие для ее достижения? Критика технологий становится делом разума, а ограничение их выявленного разумом подрывающего действия — легитимной задачей общественных и государственных политик.

Баланс между частным и публичным. Сам вопрос о таком балансе в его современном виде был поставлен не кем иным, как Кантом, и философ продолжает быть авторитетом в обширной литературе по этой проблеме. Не то чтобы ему удалось найти надежное решение между свободой публично пользоваться своим умом и необходимостью послушно выступать частью общественной «машины», подчиненной «искусственно создаваемому единодушию» (AA 08, S. 37; Кант, 1994в, с. 133), однако его попытка значима.

Баланс между женщинами и мужчинами. Хотя Кант имеет небезупречную репутацию в этом вопросе, следует отметить и его критику опекунов, препятствующих совершеннолетию женщин (AA 08, S. 35; Кант, 1994в, с. 127).

Баланс между равенством и вознаграждением достижений, государством и религией, личностью и обществом, чистым и эмпирическим, феноменальным и ноуменальным — экспозицию кантианской стратегии устойчивого

veiled ultimatum to the guardians on behalf of reason which has become aware of its own autonomy. All the rest, which we usually call “progress”, above all its scientific and technological content, is merely a means. The question we should constantly ask about means is, does it serve the end, has it not turned into an obstacle to achieving it? Criticism of technologies becomes the business of reason and limiting their subversive effect, discovered by reason, becomes a legitimate task of social and government policies.

Balance between private and public. The question of such balance in its present form was raised by none other than Kant himself and he continues to be an authority in the vast literature on the problem. Not that he has found a reliable solution between the freedom to publicly use one’s reason and the need to be an obedient part of the social “machine” subordinated to “artful unanimity” (WA, AA 08, p. 37; Kant, 1996a, p. 18), but his attempt has set a benchmark.

Balance between women and men. Although Kant’s credentials on this issue are not impeccable, one has to note his criticism of the guardians who hold women back from achieving maturity (WA, AA 08, p. 35; Kant, 1996a, p. 17).

Balance between equality and reward for achievements, the state and religion, the individual and society, the pure and the empirical, the phenomenal and noumenal — the exposition of the Kantian strategy of sustainable development can be continued. Of course, it is not devoid of weaknesses and blind spots. These include Kant’s rejection of the emotional element, a certain “isolationism” of reason from nature and so on. But these are not congenital flaws which cancel out the merits and render the paradigm unusable. Kant is not “an old Enlightener”, his philosophy is still going strong.

развития можно продолжать. Конечно, она не лишена слабостей и слепых пятен. К их числу можно отнести кантовское неприятие эмоционального начала, известный «изоляционизм» разума по отношению к природе и другое. Но это точно не родовые изъяны, нивелирующие достоинства и делающие парадигму непригодной. Кант не «старый Просветитель», его философия сильна и сегодня.

Заключение

В итоге кантианская перспектива устойчивого развития — это прежде всего перспектива долгая, без внешних бурных революций и реакций, без провалов в архаику и прорывов в фантастику. Ее революции и ее героизм сосредоточены внутри, в нравственной жизни человека и человечества, в мужестве быть в настоящем и встречать его тяготы и радости. Это не предписываемая некоторыми современными теоретиками остановка и фиксация отношений с природой, за которой маячит угасание человечества, то, что для Канта выглядело бы «противоестественным концом всего сущего». Развитие должно продолжаться, но оно не может быть односторонним, внешним, количественным, мыслимым только в категориях исчисляющей инструментальной рациональности. Кризис с кантианской точки зрения вызван не столько скоростью распространения господства человека над природой, не антропоценом, а растущим отставанием нравственного сознания, сохранением и даже распространением несовершеннолетия. Вот этого отставания человечество точно больше не может себе позволить.

Возвращение человеком «культурного мандата» в нынешних условиях неизбежно. Но выбор есть: либо это будет возвращение потерпевшим крах узурпатором никогда по праву не принадлежавшей ему власти, либо это будет возвращение, обращение окультуривающего усилия внутрь себя для взращивания человечности, чтобы дальше выбираться из со-

Conclusion

In sum, the Kantian perspective of sustainable development is, above all, a long-term perspective, without external tempestuous revolutions and reactions, without lapses into archaicism and breakthroughs into fantasy. Its revolutions and its heroism are within, in the moral life of humanity, in the courage to be in the present and embrace its hardship and joys. This is not about halting and arresting the relations with nature prescribed by some modern theoreticians, behind which looms the slow extinction of humanity, which to Kant would look like “an unnatural end of all things”. Development must continue, but it cannot be one-sided, external, quantitative, conceived only in the categories of calculating instrumental rationality. From the Kantian point of view the crisis is caused not so much by the speed with which human dominance over nature spreads, not by the Anthropocene, but by the increasing lag of moral consciousness, the persistence and even spread of immaturity. This lag is definitely something humanity can no longer afford.

The renunciation of the “cultural mandate” by humanity is inevitable under current conditions. But there are options: it can be a failed usurper returning power he never legitimately held, or it may be a turning of the cultivating effort inward in order to nurture humanity and continue to climb out of what Kant called barbarism. A great deal, perhaps even everything, depends on our determination and courage in this main endeavour.

Acknowledgements: An earlier version of this paper was presented on the 298th anniversary of Kant's birth in the Cathedral in Kaliningrad as part of the conference “Immanuel Kant and the ‘New Enlightenment’”. This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the

стояния, которое Кант называл дикостью. От нашей собственной решимости и мужества в этом главном деле зависит многое; возможно, что зависит все.

Благодарности: В основу статьи положен доклад, прочитанный в 298-ю годовщину рождения Канта в Кафедральном соборе в Калининграде в рамках конференции «Иммануил Кант и “новое Просвещение”». Данная публикация подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № 075-15-2019-1929 «Кантианская рациональность и ее потенциал в современной науке, технологиях и социальных институтах», реализуемый на базе Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград).

Список литературы

Бонхёффер Д. Письма другу // Бонхёффер Д. Сопротивление и покорность / пер. А.Б. Григорьева. М.: Прогресс, 1994. С. 110–295.

Бэкон Ф. Новый Органон // Соч. : в 2 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 5–214.

Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках / пер. Г.Г. Слюсарева // Соч. : в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 250–296.

Кант И. Религия в пределах только разума // Трактаты и письма. М.: Наука, 1980а. С. 78–277.

Кант И. Конец всего сущего // Трактаты и письма. М.: Наука, 1980б. С. 279–291.

Кант И. Логика // Трактаты и письма. М.: Наука, 1980в. С. 319–444.

Кант И. Грезы духовидца, поясненные грезами метафизика // Собр. соч. : в 8 т. М.: Чоро, 1994а. Т. 2. С. 203–265.

Кант И. О недавно возникшем барском тоне в философии // Соч. на нем. и рус. яз. М.: Ками, 1994б. Т. 1. С. 479–527.

Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Соч. на нем. и рус. яз. М.: Ками, 1994в. Т. 1. С. 125–147.

Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории // Соч. на нем. и рус. яз. М.: Ками, 1994г. Т. 1. С. 149–194.

Кант И. Что значит ориентироваться в мышлении // Соч. на нем. и рус. яз. М.: Ками, 1994д. Т. 1. С. 195–237.

Russian Federation grant No. 075-15-2019-1929, project “Kantian Rationality and Its Impact in Contemporary Science, Technology, and Social Institutions” provided at the Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad.

References

Bacon, F., 1952. *Novum Organum*. In: F. Bacon, 1952. *Advancement of Learning. Novum Organum. New Atlantis*. Chicago: Encyclopædia Britannica, pp. 103-195.

Bacon, F., 2011. *Valerius Terminus: of the Interpretation of Nature*. In: *The Works of Francis Bacon. Volume 3*. Edited by J. Spedding, R. Ellis and D. Denon. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 215-253.

Brundtland, G.H., 1987. *Our Common Future. Report of UN World Commission on Environment and Development*. Oxford: Oxford University Press.

Betz, J., 2012. *After Enlightenment: The Post-Secular Vision of J.G. Hamann*. Oxford: John Wiley & Sons.

Bonhoeffer, D., 2010. *Letters and Papers from Prison*. In: *Dietrich Bonhoeffer Works. Volume 8*. Edited by J. W. De Gruchy. Minneapolis, MN: Fortress Press.

Chernov, S.A. and Shevchenko, I.V., 2010. *Fridrikh Yakobi: vera, chuvstvo, razum [Friedrich Jacobi: Faith, Sense, Reason]*. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Rus.)

Crowe, B., 2023. *Jacobi and Philosophy: Rationalism and Skepticism*. In: A.J.B. Hampton, ed. 2023. *Friedrich Jacobi and the End of the Enlightenment: Religion, Philosophy, and Reason at the Crux of Modernity*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 9-33.

Descartes, R., 1985. *Discourse on the Method*. Translated by R. Stoothoff. In: R. Descartes, 1985. *The Philosophical Writings. Volume 1*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 111-151.

Harrison, P., 1999. *Subduing the Earth: Genesis 1, Early Modern Science, and the Exploitation of Nature*. *The Journal of Religion*, 79(1), pp. 86-109.

Harrison, P., 2007. *The Fall of Man and the Foundations of Science*. Cambridge: Cambridge University Press.

Howarth, R., 1995. *Sustainability under Uncertainty: A Deontological Approach*. *Land Economics*, 71(4), pp. 417-427. <https://doi.org/10.2307/3146707>

Kant, I., 1992. *The Jäsche Logic*. In: I. Kant, 1992. *Lectures on Logic*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 517-640.

Kant, I., 1996a. *An Answer to the Question: What Is Enlightenment?* In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 11-22.

Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Ками, 1994е. Т. 1. С. 239–351.

Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Московский философский фонд, 1997. Т. 3. С. 39–275.

Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рэндерс Ю., Беренс III В. Пределы роста / пер. с англ. ; предисл. Г.А. Ягодина. М. : Изд-во Московского университета, 1991.

Паскаль Б. Мысли / пер. Ю.А. Гинзбург. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1995.

Сахаров А.Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе [1968]. URL: <https://www.sakharov-archive.ru/sakharov/works/razmyshleniya/> (дата обращения: 01.12.2022).

Старцева А., Сабанов А.О. Иммануил Кант и «новое Просвещение». Обзор международной научной конференции // Кантовский сборник. 2023. Т. 42, № 1. С. 132–145. doi: 10.5922/0207-6918-2023-1-7.

Фёгелин Э. Новая наука политики. Введение / пер. Н. Селиверстова. СПб. : Владимир Даль, 2021.

Чернов С.А., Шевченко И.В. Фридрих Якоби: вера, чувство, разум. М. : Прогресс-Традиция, 2010.

Bacon F. Valerius Terminus: of the Interpretation of Nature // The Works of Francis Bacon. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. Vol. 3. P. 215–253.

Betz J. After Enlightenment: The Post-Secular Vision of J.G. Hamann. Oxford : John Wiley & Sons, 2012.

Crowe B. Jacobi and Philosophy : Rationalism and Skepticism // Friedrich Jacobi and the End of the Enlightenment: Religion, Philosophy, and Reason at the Crux of Modernity / ed. by A.J.B. Hampton. Cambridge : Cambridge University Press, 2023. P. 9–33.

Harrison P. Subduing the Earth: Genesis 1, Early Modern Science, and the Exploitation of Nature // The Journal of Religion. 1999. Vol. 79, № 1. P. 86–109.

Harrison P. The Fall of Man and the Foundations of Science. Cambridge : Cambridge University Press, 2007.

Howarth R. Sustainability under Uncertainty: A Deontological Approach // Land Economics. 1995. Vol. 71, № 4. P. 417–427. <https://doi.org/10.2307/3146707>.

Kant and the Possibility of Progress: From Modern Hopes to Postmodern Anxieties / ed. by P.T. Wilford, S.A. Stoner. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2021.

Lahat G.M. The Political Implications of Kant's Theory of Knowledge: Rethinking Progress. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2013.

Moran K. Community and Progress in Kant's Moral Philosophy. Washington : Catholic University of America Press, 2012.

Kant, I., 1996b. Groundwork of the Metaphysics of Morals. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 37-108.

Kant, I., 1996c. On the Common Saying: That May Be Correct in Theory, but It Is of No Use in Practice. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 273-309.

Kant, I., 1998. What Does It Mean to Orient One-self in Thinking? In: I. Kant, 1998. *Kant: Religion Within the Boundaries of Mere Reason and Other Writings*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 3-14.

Kant, I., 2001a. The End of All Things. In: I. Kant, 2001. *Religion and Rational Theology*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 217-231.

Kant, I., 2001b. Religion within the Boundaries of Mere Reason. In: I. Kant, 2001. *Religion and Rational Theology*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 39-215.

Kant, I., 2002. On a Recently Prominent Tone of Superiority in Philosophy. In: I. Kant, 2002. *Theoretical Philosophy after 1781*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 425-445.

Lahat, G.M., 2013. *The Political Implications of Kant's Theory of Knowledge: Rethinking Progress*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Meadows, D.H., Meadows, D.L., Randers, J. and Behrens III, W., 1972. *The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind*. New York: Universe Books.

Moran, K., 2012. *Community and Progress in Kant's Moral Philosophy*. Washington: Catholic University of America Press.

Mulia, P., Behura, A. and Kar, S., 2018. The Moral Imperatives of Sustainable Development: A Kantian Overview. *Problemy Ekorozwoju – Problems of Sustainable Development*, 13(2), pp. 77-82.

Pascal, B., 1910. *Thoughts*. In: B. Pascal, 1910. *Thoughts, Letters, and Minor Works*. New York: P.F. Collier & Son, pp. 9-321.

Rawls, J., 1999. *A Theory of Justice. Revised Edition*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Sakharov, A.D., 1968. Thoughts on Progress, Peaceful Coexistence and Intellectual Freedom. *The New York Times*, July 22, p. 14.

Schönfeld, M., 2008. Green Kant: Environmental Dynamics and Sustainable Policies. In: L.P. Pojman and P. Pojman, eds. 2008. *Environmental Ethics*. Belmont: Thomson-Wadsworth, pp. 49-60.

Mulia P., Behura A., Kar S. The Moral Imperatives of Sustainable Development: A Kantian Overview // *Problemy Ekorozwoju – Problems of Sustainable Development*. 2018. Vol. 13, № 2. P. 77–82.

Our Common Future (Brundtland Report) / UN World Commission on Environment and Development, Brundtland G.H. Oxford : Oxford University Press, 1987.

Pascal B. Les pensées de Pascal disposées suivant l'ordre du cahier autographe / intr. et notes par G. Michaut. Fribourg : Librairie de l'Université, 1896.

Rawls J. A Theory of Justice. Revised edition. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1999.

Schönfeld M. Green Kant: Environmental Dynamics and Sustainable Policies // *Environmental Ethics* / ed. by L.P. Pojman, P. Pojman. Belmont : Thomson-Wadsworth, 2008. P. 49–60.

Weizsäcker E. Science and Long-Term Thinking – The Club of Rome, a Club of Long-Term Thinkers // *Europhysics News*. 2019. Vol. 50, № 2. P. 29–31.

Weizsäcker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-Termism, Population and the Destruction of the Planet. N.Y. : Springer, 2018.

White L. The Historical Roots of Our Ecologic Crisis // *Science*. 1967. Vol. 155, № 3767. P. 1203–1207.

Об авторе

Вадим Александрович Чалый, доктор философских наук, лаборатория «Кантианская рациональность», Академия Кантиана, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: VCHaly@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7570-3382>

Для цитирования:

Чалый В.А. Возвращая «культурный мандат»: Идея устойчивого развития в кантианской перспективе // *Кантовский сборник*. 2023. Т. 42, № 2. С. 68–94. doi: 10.5922/0207-6918-2023-2-4

© Чалый В.А., 2023.

Startseva, A. and Sabanov, A.O., 2023. Immanuel Kant and the “New Enlightenment”. *International Conference Report. Kantian Journal*, 42(1), pp. 132-145. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2023-1-7>

Voegelin, E., 1952. *The New Science of Politics: An Introduction*. Chicago: University of Chicago Press.

Weizsäcker, E., 2019. Science and Long-Term Thinking – The Club of Rome, a Club of Long-Term Thinkers. *Europhysics News*, 50(2), pp. 29-31.

Weizsäcker, E. and Wijkman, A., 2018. *Come On! Capitalism, Short-Termism, Population and the Destruction of the Planet*. New York: Springer.

White, L., 1967. The Historical Roots of Our Ecologic Crisis. *Science*, 155(3767), pp. 1203-1207.

Wilford, P.T. and Stoner, S.A., 2021. *Kant and the Possibility of Progress: From Modern Hopes to Postmodern Anxieties*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Prof. Dr Vadim A. Chaly, Kantian Rationality Lab, Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: VCHaly@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7570-3382>

To cite this article:

Chaly, V.A., 2023. Reclaiming the “Cultural Mandate”: The Idea of Sustainable Development in the Kantian Perspective. *Kantian Journal*, 42(2), pp. 68-94. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2023-2-4>

© Chaly V.A., 2023.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))